

УДК 32.019.51: 327.8

ПОДХОДЫ ЕС В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ГИБРИДНЫМИ УГРОЗАМИ

© 2023 г. **БАЗАРКИНА Дарья Юрьевна***

Доктор политических наук

Ведущий научный сотрудник, Отдел исследований европейской интеграции

Институт Европы Российской академии наук

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

***E-mail:** bazarkina-icspsc@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.03.2023

После доработки 26.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье методом системного анализа определен подход ЕС в отношении Китая в контексте борьбы с гибридными угрозами. Установлено, что стремление ЕС укрепить свою акторность на международной арене и снизить зависимость от третьих стран в обеспечении критической инфраструктуры, а также солидарность с риторикой и практикой США по ограничению экономического влияния Китая ведут к обсуждению действий КНР в рамках нарратива гибридных угроз. Среди институтов ЕС наибольшее количество обвинений Китая в создании таких угроз содержится в документах Европейского парламента. Европейская комиссия и Совет ЕС в целом склонны придерживаться менее политизированного тона, однако в их документах также есть указания на КНР как на актора гибридных угроз. Подход институционального треугольника Евросоюза проиллюстрирован материалами Европейской внешнеполитической службы, агентств и профильных аналитических центров. Институты ЕС стремятся ограничить роль Китая на самых разных направлениях – от инвестиционной деятельности до образовательных инициатив и мер поддержки СМИ.

Ключевые слова: Европейский союз, Китай, гибридные угрозы, дезинформация, Европейский парламент, Европейская комиссия, Совет ЕС, Европейская внешнеполитическая служба

DOI: 10.31857/S0201708323040010

EDN: bvqbps

В условиях экономической и политической конкуренции борьба с гибридными угрозами становится оправданием ограничительных мер и дискредитационных кампаний в отношении оппонента [Базаркина, 2022]. Источником гибридных угроз может расцениваться даже экономический подъем страны-конкурента, если он грозит переделом рынков. В настоящее время такой подъем переживает Китай – прямой конкурент ЕС и США в ряде отраслей. Евросоюз вступил в торговые войны с КНР, который был назван в публикациях институтов ЕС источником гибридных угроз. Подобные явления свидетельствуют о возможности перехода стратегической конкуренции¹ стран Запада с Китаем в фазу открытого противоборства, что делает исследования проблем гибридных угроз и действий актуальными.

Цель статьи – определить подход ЕС в отношении Китая в контексте борьбы с гибридными угрозами. Предмет работы малоизучен, однако важным подспорьем для исследования стали публикации по проблемам отношений ЕС и КНР: анализ глобальных трансформаций [Воскресенский, 2021] экономических [Glen, Murgu, 2007] и политических [Crookes, 2013; Ломанов, 2019; Li, 2022] отношений двух сторон и роли в них фактора США [Фриман, 2021]. Внимание в статье уделено публикациям институционального треугольника ЕС (институтов, играющих ключевые роли в принятии решений на уровне Союза) – Европейского парламента (ЕП), Совета ЕС и Европейской комиссии (ЕК). В эмпирическую базу исследования вошли высказывания Европейской внешнеполитической службы (ЕВС) и Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, публикации Центра передового опыта по борьбе с гибридными угрозами (*European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Hybrid CoE*) ЕС – НАТО и агентств Евросоюза. Основной метод исследования – системный анализ.

Причины обозначения Китая как источника гибридных угроз в публикациях ЕС

Конкуренция ЕС и Китая – одна из главных причин отнесения последнего к странам-источникам гибридных угроз в ряде документов Евросоюза. В конце 2020 г. Брюссель и Пекин успешно завершили переговоры о двустороннем инвестиционном соглашении, которое, однако, не было подписано и ратифицировано. В марте 2021 г. ЕС вслед за США, Канадой и Британией ввел против Китая санкции, обвинив его в нарушениях прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). В 2020–2021 гг. Пекин все чаще обвиняли в напористой промышленной политике в связи с ростом влияния китайских компаний на европейских рынках [Базаркина, 2022]. Существуют более ранние свидетельства перехода этой конкуренции в гибридное противоборство. Например, 12 сентября 2018 г. Европарламент принял резолюцию, в которой сказано, что стратегическое партнерство с Китаем «является одним из наиболее важных для ЕС», но депутаты «обеспокоены

¹ См., к примеру: National Security Strategy. The White House. 10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

тем, что увеличение глобального экономического и политического веса Китая за последнее десятилетие стало испытанием для ... общих обязательств¹. С 2019 г. риторика в отношении КНР стала еще более жесткой. Одновременно Евросоюз постепенно наращивал усилия по снижению зависимости европейской экономики от Китая [Болгова и др., 2022: 88]. В данном контексте Брюссель и Пекин вели торговые споры во Всемирной торговой организации. В частности, Китай ограничил в правах европейских обладателей патентов на производство высокотехнологичных товаров (в этом ЕС видит принудительную передачу технологий) [Чижевская, 2023: 115].

Помимо систематической критики политики Китая в СУАР, Гонконге и Тибете, напряженность между ЕС и КНР росла по вопросу Тайваня, с которым Евросоюз стремится развивать двусторонние отношения в обход китайского правительства. Роль Тайваня в глобальных цепочках поставок высоких технологий ЕС оценивает как решающую². Пекин видит в шагах Брюсселя нарушение договоренностей в рамках политики одного Китая. В отношении КНР ЕС не только поддерживает курс Соединенных Штатов (президент США Дж. Байден заявил о готовности защищать Тайвань военным путем³), но и стремится укрепить акторность во внешней политике использованием все большего количества рычагов воздействия на Китай. Это происходит на фоне стремления Евросоюза снизить зависимость от КНР в поддержке критической инфраструктуры (в частности, в производстве микросхем⁴).

Отношение Евросоюза к Китаю как к источнику гибридных угроз обусловлено зависимостью ЕС в сфере безопасности от США и НАТО. 20 из 74 общих предложений о сотрудничестве с альянсом связаны с противодействием гибридным угрозам⁵. В совместном заявлении 2023 г. указано: «Мы живем в эпоху растущей стратегической конкуренции. Растущая напористость и политика Китая создают проблемы, которые нам необходимо решить»⁶. Это заявление перекликается со Стра-

¹ European Parliament resolution of 12 September 2018 on the state of EU-China relations. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0343_EN.html (дата обращения: 25.04.2023).

² European Parliament recommendation of 21 October 2021 to the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on EU-Taiwan political relations and cooperation. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0431_EN.html (дата обращения: 25.04.2023).

³ Байден заявил о готовности защищать Тайвань военным путем. РБК. 23.05.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2022/628b24e59a7947adc11d551d?ysclid=lh6fbns8ot943978544> (дата обращения: 02.05.2023).

⁴ Report on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation. European Parliament. 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2022-0022_EN.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

⁵ Factsheet – Countering Hybrid Threats. EU DG DEFIS. 31.03.2022. URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/eu-defence-industry/hybrid-threats_en (дата обращения: 04.05.2023).

⁶ Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. 10.01.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm (дата обращения: 04.05.2023).

тегией национальной безопасности США 2022 г., где говорится о Китае, как о сопернике, имеющем амбиции изменить мировой порядок¹. Стратегия Вашингтона включает согласование усилий с сетью союзников и партнеров, «чтобы превзойти КНР в технологической, экономической, политической, военной, разведывательной областях и глобальном управлении»².

Подход ЕС к КНР отличается прагматизмом. Сохранение торговых контактов создает противовес зависимости от США, нужный для продвижения к стратегической автономии. В связи с этим Китай признают важным партнером, с которым нежелателен разрыв³, однако следует конкурировать «везде, где это необходимо»⁴. Несмотря на глобальную рецессию в период пандемии COVID-19, Китай, обогнав США, стал крупнейшим торговым партнером ЕС в 2020 г. [Li, 2022: 221]. В условиях Специальной военной операции на Украине (СВО) Брюссель стремится склонить Пекин к осуждению действий российской стороны. По заявлению Ж. Борреля, «есть четыре области [в отношениях с КНР], представляющие особый интерес: ценности ЕС, экономическая безопасность, Тайвань и Украина», и именно в силу могущества Китая Евросоюзу приходится поддерживать с ним диалог⁵. Этот подход отразился в рабочей версии документа, который Ж. Боррель представил 12 мая 2023 г. на неформальной встрече министров иностранных дел государств-членов ЕС в Стокгольме (документ одобрен и дорабатывается в рамках подготовки к обсуждению на заседании Европейского совета)⁶. Таким образом, развивается многослойность подхода ЕС к Китаю одновременно как к партнеру, экономическому конкуренту и системному сопернику [Ломанов, 2019: 161]. Именно две последние роли Китая отражены в подходе ЕС к борьбе с гибридными угрозами.

Китай в публикациях ЕС, посвященных борьбе с гибридными угрозами

В марте 2022 г. ЕВЦ дала следующее определение гибридным угрозам: «Гибридные угрозы воздействуют на уязвимые места, которые используются для нанесения ущерба ниже порога открытой агрессии. Они [гибридные угрозы] представляют собой смесь мер принуждения и подрывных действий, традиционных и нетрадиционных методов, скоординированных во многих областях. Авторитарные режимы все чаще пытаются подорвать общие демократические ценности ЕС..., используя различные виды гибридной деятельности, такие как манипуляция инфор-

¹ National Security Strategy.

² Там же.

³ MEPs call for clarity and unity in policy on China. Press Release. European Parliament. 18.04.2023. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230414IPR80115/meps-call-for-clarity-and-unity-in-policy-on-china> (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Report on a new EU-China strategy. European Parliament. 26.7.2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0252_EN.html (дата обращения: 18.04.2023).

⁵ MEPs call for clarity and unity in policy on China.

⁶ BQE. 2023. No. 13181. 13.05.

мацией, кибератаки, правовые войны, экономическое принуждение или инструментализация [потоков] мигрантов»¹. Определение сузилось по сравнению с существовавшим в 2018–2021 гг. [Базаркина, 2022: 144]: исчезли упоминания многих военных мер, появилось указание на авторитарные режимы. Последнее получило развитие в других публикациях. Например, Агентство ЕС по кибербезопасности (*The European Union Agency for Cybersecurity, ENISA*) отмечает, что «группа стран движется к цифровому авторитаризму, принимая китайскую модель обширной цензуры и автоматизированных систем наблюдения» [Mattioli et al., 2023: 32]). Этот подход сложился еще до начала СВО и нацелен на КНР не меньше, чем на РФ.

С опорой на определение к гибридным отнесены (прямо или косвенно, т.е. без употребления термина) действия Китая во многих областях (экономической, политической, культурной и т.п.). Информационная деятельность структур КНР чаще всего относят в разряд угроз иностранного вмешательства в демократические процессы. Тем не менее прямые упоминания Китая в качестве угрозы нечасты в силу осторожности ЕС в отношениях с КНР как с партнером.

Отсылки к Китаю в нарративе гибридного противоборства наиболее многочисленны в документах Европарламента. Минимум в восьми резолюциях и одной рекомендации, принятых в 2017–2022 гг., КНР упоминается в контексте угроз, с которыми сталкивается мировое сообщество или конкретно ЕС. Среди особенно заметных высказываний: «воинственность КНР представляет серьезную угрозу статус-кво ... с серьезными последствиями для глобальной стабильности и мира, в том числе для ЕС»² (2022 г.); «Китай вместе с другими недемократическими странами также остается серьезной угрозой для демократий в Европе из-за дезинформационных кампаний»³ (2021 г.), а также упоминание усилий Китая «по подрыву демократии, в частности на Тайване», и последствий «для демократий по всему миру»⁴ (2021 г.). Депутаты считают, что «будущая стратегия ЕС в отношении Китая должна предоставить необходимые инструменты и данные для устранения политических, экономических, социальных и технологических угроз, исходящих от Китая»⁵ (2021 г.), призывают Евросоюз вместе с НАТО к «борьбе с гибридными угрозами, включая кибератаки и дезинформационные кампании, исходящие из Китая»⁶ (2021 г.) и т.п.

Политические декларации такого рода находят отражение в практических действиях. Например, в октябре 2021 г. Европарламент в рекомендации Высокому представителю назвал ключевым партнером в Индо-Тихоокеанском регионе не Ки-

¹ Countering hybrid threats. European External Action Service. 31.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/countering-hybrid-threats_en (дата обращения: 18.06.2023).

² European Parliament resolution of 15 September 2022 on the situation in the Strait of Taiwan. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0331_EN.html (дата обращения: 23.06.2023).

³ Там же.

⁴ European Parliament recommendation of 21 October 2021...

⁵ European Parliament resolution of 16 September 2021 on a new EU-China strategy. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0382_EN.html (дата обращения: 23.06.2023).

⁶ Там же.

тай (именно он – основной партнер Союза в регионе), а Тайвань, процитировав высказывание тайваньского министра обороны Цю Гочжэна: «Китай может быть способен организовать полномасштабное вторжение на Тайвань к 2025 году»¹. В ноябре 2021 г. ЕП впервые направил в Тайбэй официальную делегацию в составе семи членов Специального комитета по борьбе с иностранным вмешательством и дезинформацией (*Special Committee on Foreign Interference in all Democratic Processes in the European Union, including Disinformation, INGE*)², чтобы изучить тайваньский опыт с учетом «интересов Китая на Тайване, их общего языка, истории». Члены *INGE* выразили намерение более тесно сотрудничать с НПО и тайваньскими экспертами и делиться опытом «с другими демократическими союзниками как в регионе, так и за его пределами»³. Таким образом, институты Евросоюза все более активно ищут выход на широкую аудиторию на Тайване для осуществления собственных информационных кампаний. На фоне призывов Ж. Борреля в апреле 2023 г. отправить военные корабли из стран ЕС для патрулирования Тайваньского пролива⁴ (после военных учений КНР в ответ на визит в Тайбэй спикера палаты представителей США Нэнси Пелоси) можно заключить, что Брюссель активно готовит информационный фон для возможных военных действий.

Наряду с усилением влияния на Тайване ЕС стремится ограничить инициативы китайского правительства на территории государств-членов, объясняя это необходимостью борьбы с иностранным вмешательством в демократические процессы. В частности, Исследовательская служба Европейского парламента⁵ считает субъектами вмешательства Институты Конфуция – культурно-образовательные центры, создаваемые Государственной канцелярией КНР по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань). Поводом для этого стал пункт 6 Общих принципов институтов, где говорится, что центры не могут нарушать законы Китая (это стало причиной разногласий Институтов Конфуция и руководств университетов в оценках политики КНР). Критикуется государственное финансирование институтов, несмотря на то что аналогичные структуры – Институт Гёте и Британский совет – активно поддерживались правительствами на начальных этапах работы [Huang, Xiang, 2019: 253]. Сфера образования остается частым объектом дискуссий по вопросам иностранного вмешательства и академической свободы.

¹ European Parliament recommendation of 21 October 2021...

² Liu D. As EU-Taiwan ties deepen, cybersecurity is front and centre. France 24. 11.12.2021. URL: <https://www.france24.com/en/asia-pacific/20211211-as-eu-taiwan-ties-deepen-cybersecurity-is-front-and-centre> (дата обращения: 25.04.2023).

³ Там же.

⁴ Tribune. Josep Borrell, chef de la diplomatie européenne: «Un regard froid sur la Chine». Le Journal du Dimanche. 22.04.2023. URL: <https://www.lejdd.fr/international/tribune-josep-borrell-chef-de-la-diplomatie-europeenne-un-regard-froid-sur-la-chine-134992> (дата обращения: 25.04.2023).

⁵ Strategic communications as a key factor in countering hybrid threats. PE 656.323. European Parliamentary Research Service. 03.2021. P. 58–59. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU\(2021\)656323](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU(2021)656323) (дата обращения: 25.04.2023).

В документах ЕК по проблеме гибридных угроз Китай упоминается гораздо реже и в более спокойном тоне, однако в 2019 г. в сообщении «ЕС – Китай: стратегические перспективы» Комиссия заявила, что «растущий военный потенциал Китая в сочетании с его ... стремлением иметь к 2050 году самые технологически совершенные вооруженные силы представляют собой проблемы безопасности для ЕС уже в краткосрочной и среднесрочной перспективе». В следующей фразе подчеркнуто: «межсекторальные гибридные угрозы, включая информационные операции и крупные военные учения, ... бросают вызов безопасности ЕС и должны рассматриваться в контексте наших взаимоотношений»¹. Дезинформация со стороны КНР упоминается в отчетах Комиссии и Высокого представителя об имплементации Совместной рамочной программы 2016 г. по противодействию гибридным угрозам. Однако, если в отчетах 2019 и 2020 гг. упоминания Китая связаны с кибердиалогом², то в 2021 г. указано, что «на протяжении всей пандемии ... ЕВС публиковала открытые отчеты о дезинформации..., в которых освещались действия ... Китая»³. В 2022 г. формулировка стала более практико-ориентированной: «Пандемия COVID-19 и связанное с ней иностранное вмешательство и манипулирование информацией ... подчеркнули необходимость усиления реакции ЕВС на манипуляции ... китайских субъектов»⁴.

Совет ЕС избегает прямых обвинений конкретной страны, но признал⁵ их теоретическое обоснование, которое представлено в подготовленном ЕК и *Hybrid CoE*

¹ Joint communication to the European Parliament, the European Council and the Council. EU-China – A strategic outlook. 12.03.2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52019JC0005> (дата обращения: 23.04.2023).

² Report on the implementation of the 2016 Joint Framework on countering hybrid threats and the 2018 Joint Communication on increasing resilience and bolstering capabilities to address hybrid threats. 28.05.2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/report_on_the_implementation_of_the_2016_joint_framework_on_countering_hybrid_threats_and_the_2018_joint_communication_on_increasing_resilience.pdf; Report on the implementation of the 2016 Joint Framework on countering hybrid threats and the 2018 Joint Communication on increasing resilience and bolstering capabilities to address hybrid threats. 24.07.2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/swd/2020/0153/COM_SWD\(2020\)0153_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/swd/2020/0153/COM_SWD(2020)0153_EN.pdf) (дата обращения: 04.05.2023).

³ Fifth Progress Report on the implementation of the 2016 Joint Framework on countering hybrid threats and the 2018 Joint Communication on increasing resilience and bolstering capabilities to address hybrid threats. 23.06.2021. URL: <https://defence-industry-space.ec.europa.eu/system/files/2021-06/JSWD%20Hybrid%20threats%20APR%2023062021.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

⁴ Sixth Progress Report on the implementation of the 2016 Joint Framework on countering hybrid threats and the 2018 Joint Communication on increasing resilience and bolstering capabilities to address hybrid threats. 27.09.2022 URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12836-2022-INIT/en/pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

⁵ Council conclusions on a Framework for a coordinated EU response to hybrid campaigns. 21.06.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/21/council->

издании [Giannopoulos et al., 2020]. В разделе книги, посвященном Китаю, уделено внимание концепции трех войн (информационно-психологическое противоборство, борьба за общественное мнение и правовая война) с отсылкой к редакции 2003 г. Положений о политической работе Народно-освободительной армии Китая (НОАК) [Giannopoulos et al., 2020: 21–22]. Перечислив эти тактики, авторы приходят к выводу, что «согласно китайскому мировоззрению, ... ценности равенства, прозрачности и свободы слова заменяются ценностями жесткого социального контроля» [Giannopoulos et al., 2020: 22]. Таким образом, методы гибридного противоборства, которыми в разные эпохи пользовались политические акторы, представлены в публикации не только как часть военной теории, а как стратегия поведения КНР, обусловленная особенностями политического и социального строя.

ЕВС в «Первом отчете об угрозах иностранного вмешательства и манипулирования информацией» (ИВМИ) в феврале 2023 г. в разделе «Субъекты (угроз)» приводит диаграммы мониторинга инцидентов ИВМИ по субъектам угроз. В качестве последних указаны Россия и Китай. Оценка действий Китая коррелирует с ранее приведенным определением гибридных угроз: «Китай является многогранным актором ИВМИ... Его деятельность варьируется от безобидной – публичной дипломатии – до явно нелегитимной – запугивания и преследования критиков... Различные элементы часто используются в комплексе и могут быть связаны с другими формами вмешательства, например с экономическим принуждением»¹. Таким образом, в 2023 г. в официальных публикациях ЕС Китай продолжают обозначать как актора гибридных угроз.

Обширная группа источников, отражающих видение проблем борьбы с гибридными угрозами в ЕС, представлена публикациями Центра *Hybrid CoE* [Aukia, 2021; Hellendoorn, 2022; Karásková, 2020]. В частности, в отчетах Центра усилия Китая в области репутационного менеджмента, предпринимаемые с 2019 г. после протестов в Гонконге, расцениваются как волна дезинформации. К гибридным действиям отнесены размещение послами КНР в СМИ стран Центральной и Восточной Европы статей, объясняющих отношение Пекина к протестам, расширение вещания китайского радио, публикации посольств по проблеме пандемии [Karásková, 2020: 4–5]. На основе оценок, предоставленных *Hybrid CoE*, формулируются предложения по ограничению прав китайских государственных медиа.

В отчете «Китай как источник гибридного влияния» [Aukia, 2021] китайская военная мысль продолжает отождествляться с мировоззрением китайцев в целом: склонность КНР к гибридным действиям связана с представлениями о собственной исключительности и вниманием НОАК к труду Сунь-Цзы «Искусство войны». Как считает автор отчета, «это приводит к культуре, которая одобряет манипулятивные,

conclusions-on-a-framework-for-a-coordinated-eu-response-to-hybrid-campaigns/ (дата обращения: 18.04.2023)

¹ 1st EEAS Report on Foreign Information Manipulation and Interference Threats Towards a framework for networked defence. 02.2023. URL: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/EEAS-DataTeam-ThreatReport-2023..pdf> (дата обращения: 18.06.2023).

непрямые и асимметричные стратегии» [Aukia, 2021: 15]. Осмысление экономической деятельности КНР отличается политизированностью. Например, китайские государственные предприятия названы прокси-предприятиями, через которые Коммунистическая партия Китая (КПК) стремится к политическому влиянию, а государственные банки названы политическими, т.к. они занимаются кредитованием для дальнейшего развития геоэкономики КНР [Aukia, 2020: 24]. Таким образом, акторы, демонстрирующие лояльность КПК, получают ярлык гибридных инструментов, а экономическая конкуренция по мере ее обострения (перехода в стадию стратегической конкуренции) описывается как подготовка к войне или ведение ее невоенными средствами.

Неотъемлемой частью создаваемого информационного фона стал образ КНР как воинственного недемократического государства, осуществляющего гибридные действия против западных демократий. Этот образ используется для обоснования прямых контактов с Тайбэем и подготовки более жестких ограничительных мер на территории государств-членов ЕС. Подход Евросоюза придает угрозам, которые якобы олицетворяет Китай, системный характер, требующий аналогичного ответа.

Предложения Европарламента в отношении Китая как противника в гибридном противоборстве

Главные направления, на которых сосредоточены рекомендации по ограничению китайского вмешательства в дела ЕС, – информационные кампании, экономическое соперничество и устранение агентов влияния из европейских структур и организаций. Информационно-психологический аспект борьбы с гибридными угрозами реализуется в вытеснении китайских государственных СМИ и учебно-научных учреждений из европейской инфосферы. В «Докладе об иностранном вмешательстве, включая дезинформацию, во все демократические процессы в Европейском союзе»¹ от 8 февраля 2022 г. Китай обвинен в преследовании журналистов и широком использовании онлайн-инструментов для изменения повестки дня в ЕС. На волне борьбы с иностранным вмешательством возможны ограничения свободы СМИ, т.к. китайские государственные медиа «не должны пользоваться теми же правами и защитой, что и демократические»². В числе возможных мер – ограничения посещений мероприятий для прессы или отзыв аккредитации.

За пределами ЕС внимание ЕП сосредоточено прежде всего на странах Западных Балкан, где ограничивать влияние КНР предлагается посредством стратегической коммуникации. В частности, сделан запрос Комиссии на создание в регионе особой инфраструктуры реагирования на угрозы дезинформации, а Европейской внешнеполитической службе – на переход от защиты региона к укреплению доверия к ЕС³. В документе ЕВС призывают создать в составе отдела стратегических коммуникаций специальную группу по Дальнему Востоку (в первую очередь для

¹ Report on foreign interference in all democratic processes in the European Union...

² Там же.

³ Там же.

интерпретации действий Китая). Дальнейшая институционализация стратегической коммуникации может стать важным компонентом мер ЕС по достижению стратегической автономии, однако в условиях жесткой конкуренции она происходит от противного – с целью обойти и дискредитировать в целом успешного соперника.

Экономическая конкуренция может придать импульс стратегическому планированию и дальнейшей институционализации сферы противодействия гибридным угрозам. Китайские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в стратегические секторы в ЕС и соседние регионы (Западные Балканы и др.), пребывание бывших политиков из стран Евросоюза на руководящих должностях в китайских компаниях, вложения КНР в лоббизм стали основанием для призыва Европарламента к Комиссии разработать Стратегию Союза по противодействию иностранному вмешательству¹. 9 марта 2022 г. на пленарном заседании ЕП² депутаты заключили, что Евросоюз и государства-члены должны предоставить финансовые альтернативы странам-кандидатам на вступление в ЕС, в которых «ПИИ используются третьими странами в качестве геополитического инструмента»³. В качестве дальнейших мер предлагается установить санкционный режим.

Для подкрепления этой линии депутаты сделали ряд запросов в ЕВС и ЕК на принятие мер по отстранению лиц, лояльных Пекину, из организаций в государствах-членах. Например, Европарламент требует от Европейской внешнеполитической службы исследовать степень влияния «злонамеренных государственных деятелей» в европейских аналитических центрах, университетах, религиозных организациях и СМИ, а также иностранного вмешательства в судебные процессы⁴. Показательны предложения обеспечить финансирование из европейских источников геополитических исследований в университетах и внимательно следить за преподавательской, исследовательской и другой деятельностью в Институтах Конфуция для выявления шпионажа⁵.

Предложения, высказанные в 2022 г., реализуются в имплементации готовящегося Комиссией пакета мер по защите демократии. Входящая в пакет Директива об иностранном вмешательстве способна ограничить демократические дискуссии в ЕС⁶. В его институтах также присутствуют опасения, что жесткие законодательные ограничения лоббирования иностранных интересов могут затруднить диалог с государствами-оппонентами⁷. Тем не менее курс на ограничение китайского присутствия в ЕС будет зависеть также от внешних факторов.

¹ Там же.

² Foreign disinformation: the EU needs to prepare and respond better. Press release. European Parliament. 09.03.2022. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220228IPR24221/foreign-disinformation-the-eu-needs-to-prepare-and-respond-better> (дата обращения: 23.04.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ BQE. 2023. No. 13174. 04.05.

⁷ Jones K. Legal loopholes and the risk of foreign interference. In-depth analysis requested by the ING2 special committee. Brussels. European Parliamentary Research Service. 2023. URL:

Брюссель стремится склонить Пекин не только к пересмотру нейтралитета в украинском конфликте, но и к «управлению своей мощью»¹ в соответствии с интересами Запада (снизить интенсивность усилий по изменению мирового рынка и системы глобального управления). В то же время желание избежать прямого конфликта и потери важного торгового партнера заставляет Союз отрицать более ранние заявления (в частности, после визитов в КНР ряда официальных лиц ЕС на конференции «Состояние Союза» 5 мая 2023 г. Ж. Боррель заявил: «Является ли Китай угрозой национальной безопасности...? ... Мы так никогда не утверждали»²). Это означает, что степень ограничительных мер в контексте борьбы с гибридными угрозами может стать предметом торга со стороны ЕС, который намерен укрепить акторность в мировой политике. Это особенно важно в случае перехода стратегической конкуренции США с КНР в более напряженное состояние.

Заключение

Присоединение ЕС к стратегической конкуренции США с Китаем выражается в оценках последнего как соперника в гибридном противоборстве, чье влияние стремятся ограничить на разных направлениях – от инвестиций в стратегически важные отрасли до образовательных инициатив и мер публичной дипломатии. В ближайшее время «тенденция на укрепление трансатлантических отношений между США и ЕС продолжится» [Шариков, 2022: 22]. Несмотря на то что Китай все более жестко отвечает на обвинения и обещает контрмеры за возможные санкции³, ЕС даже на фоне поиска компромиссов не откажется от дискурса гибридных угроз в отношении КНР. Вероятно, что ряд предложений Европарламента войдет в стратегические документы Союза без указания конкретного противника, но меры будут направлены на ограничение китайского влияния.

ЕС балансирует между тотальным осуждением Китая в русле торговых войн и риторикой сотрудничества на выгодных направлениях. Обвинения в адрес Китая до 2020 г. были сконцентрированы на критике нарушающей права человека политики. Связанный с пандемией кризис и ущерб европейской экономике привели к обострению конкуренции за технологический кластер Тайваня, что стало причиной роста обвинений КНР в экономической экспансии. Среди институтов ЕС наибольшее количество обвинений в адрес Китая представлено в документах Европарламента.

По мере роста экономических противоречий конкуренция все более политизируется. Как следствие, гибридной угрозой признается не только деятельность конкурента, но и экономический рост и закрепление на новых рынках. На уровне Ну-

[https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/702575/EXPO_IDA\(2023\)702575_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/702575/EXPO_IDA(2023)702575_EN.pdf) (дата обращения: 05.05.2023).

¹ BQE. 2023. No. 13176. 06.05.

² Там же.

³ МИД КНР пригрозил ЕС контрмерами за возможные санкции против семи компаний Китая из-за РФ. ТАСС. 08.05.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17699653> (дата обращения: 25.05.2023).

brid CoE растет интерес к трудам китайских военных теоретиков и экономической деятельности КНР, проводятся параллели между экономической, политической и военной экспансией. При этом структуры ЕС предпринимают действия, которые можно считать гибридными (от особого внимания к перекупке партнеров КНР с помощью ПИИ до активной поддержки политических кругов Тайваня). При отсутствии состоятельной социально-ориентированной повестки дня и адекватного пути выхода из кризиса деятельность любого государства становится ничем иным, как участием в глобальной конкуренции, поддержка которой через репутационные меры будет восприниматься не только правительствами, но и гражданами стран-оппонентов в качестве гибридной угрозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базаркина Д.Ю. (2022) Практика противодействия гибридным угрозам: опыт Европейского союза и его государств-членов. *Современная Европа*. № 2(109). С. 132–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S0201708322020103>

Болгова И., Мельникова Ю., Лисякевич Р. (2022) Формирование китайского направления политики ЕС: роль стран Центральной и Восточной Европы. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 6. С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90>

Воскресенский А. Д. (2021) Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта. *Сравнительная политика*. № 3. С. 5–20. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024

Ломанов А. В. (2019) Отношения Китая и ЕС: между сотрудничеством и соперничеством. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. № 24. С. 158–172. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10009>

Фриман Ч. (2021) Война с Китаем из-за Тайваня: и что тогда? *Россия в глобальной политике*. № 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-3-48-60>

Чижевская М.П. (2023) ЕС – Китай: Китай готов давать более жесткий ответ на обвинения ЕС. *Европейский союз: факты и комментарии*. № 111. С. 113–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts12023113117>

Шарилов П.А. (2022) Роль ЕС в стратегии национальной безопасности США. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 15–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620221523>

Aukia J. (2021) *China as a hybrid influencer: Non-state actors as state proxies*. Hybrid CoE Research Report 1. Helsinki, Finland. 31 p.

Crookes P. (2013) Resetting EU–China relations from a values-based to an interests-based engagement. *International Politics*. No. 50. P. 639–663. DOI: <https://doi.org/10.1057/ip.2013.25>.

Giannopoulos G., Smith H., Theodoridou M. (2020) *The Landscape of Hybrid Threats: A conceptual model*. European Commission, Ispra, Italy. 52 p.

Glen C. M., Murgu R. C. (2007) EU-China relations: balancing political challenges with economic opportunities. *Asia Europe Journal*. No. 5. P. 331–344. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-007-0121-7>

Hellendoorn E. (2022) *Financial geopolitics and hybrid conflict: Strategic competition in a financialized world*, Hybrid CoE Working Paper 16, Helsinki, Finland.

Huang Wh., Xiang J. (2019) Pursuing Soft Power through the Confucius Institute: a Large-N Analysis, *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 24. P. 249–266. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-018-9571-6>

Karášková I. (2020) *One China under media heaven: How Beijing hones its skills in information operations*, Hybrid CoE Strategic Analysis 23. Helsinki, Finland. 8 p.

Mattioli R., Malatras A., Hunter E. N., Biasibetti Penso M. G., Bertram D., Neubert I. (2023) *Identifying emerging cyber security threats and challenges for 2030*. European Union Agency for Cybersecurity (ENISA), Athens – Heraklion, Greece. 64 p.

Wuttke J. (2022) A Roadmap to Bolstering EU-China Relations. *Transition and Opportunity. China and Globalization*. Ed. by H. Wang, L. Miao. Springer, Singapore, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-8603-0_2

The EU Approach Towards China in the Context of Countering Hybrid Threats

D.Yu. Bazarkina*

Doctor of Sciences (Politics)

Leading Researcher, Department of European integration research

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** bazarkina-icpspc@yandex.ru

Abstract. The article examines the EU approach towards China in terms of dealing with the hybrid threats. The study is based on the method of systemic analysis. It is revealed that the EU intention to strengthen its role in the international arena and to reduce dependence on third countries in providing critical infrastructure, as well as its solidarity with the rhetoric and practice of the USA to limit the economic influence of China, provokes a debate on the PRC's activity within the framework of the narrative of hybrid threats. The documents of the European Parliament contain the majority of accusations of China in creating such threats. The Commission and the Council of the EU are trying to adhere to a less politicized tone, but their publications also contain references to the RPC as an actor of hybrid threats. The approach of the EU's "institutional triangle" is also illustrated by the documents of the European External Action Service, EU agencies, and specialized think tanks. The EU institutions are seeking to limit China's role in every area, from investment to education and media.

Key words: European Union, China, hybrid threats, disinformation, European Parliament, European Commission, Council of the EU, European External Action Service

DOI: 10.31857/S0201708323040010

EDN: bvqbps

REFERENCES

Aukia J. (2021) *China as a hybrid influencer: Non-state actors as state proxies*, Hybrid CoE Research Report 1, Helsinki, Finland.

Bazarkina D.Yu. (2022) *Praktika protivodejstviya gibridnym ugrozam: opyt Evropejskogo soyuza i ego gosudarstv-chlenov* [Countermeasures for hybrid threats: EU and its Member States

experience], *Sovremennaya Evropa*, 2(109), pp. 132–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S0201708322020103> (In Russian).

Bolgova I., Melnikova Yu., Lisjakiewicz R. (2022) Formirovanie kitajskogo napravle-niya politiki ES: rol' stran Central'noj i Vostochnoj Evropy [The EU China policy in the making: the role of central and eastern Europe], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 66(6), pp. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90> (In Russian).

Chizhevskaya M. (2023) ES – Kitaj: Kitaj gotov davat' bolee zhestkij otvet na obvi-neniya ES [EU-China: China is ready to give a tougher response to EU accusations], *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii*, 111, pp. 113–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts12023113117> (In Russian).

Crookes P. (2013) Resetting EU–China relations from a values-based to an interests-based engagement, *International Politics*, 50, pp. 639–663. DOI: <https://doi.org/10.1057/ip.2013.25>

Freeman C. (2021) Vojna s Kitaem iz-za Tajvanya: i chto togda? [Taiwan War with China: So What?], *Rossiya v global'noj politike*, 3, DOI: <http://dx.doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-3-48-60> (In Russian).

Giannopoulos G., Smith H., Theocharidou M. (2020) *The Landscape of Hybrid Threats: A conceptual model*, European Commission, Ispra, Italy.

Glen C. M., Murgo R. C. (2007) EU-China relations: balancing political challenges with economic opportunities, *Asia Europe Journal*, 5, pp. 331–344. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-007-0121-7>

Hellendoorn E. (2022) *Financial geopolitics and hybrid conflict: Strategic competition in a financialized world*, Hybrid CoE Working Paper 16, Helsinki, Finland.

Huang Wh., Xiang J. (2019) Pursuing Soft Power through the Confucius Institute: a Large-N Analysis, *Journal of Chinese Political Science*, 24, pp. 249–266, <https://doi.org/10.1007/s11366-018-9571-6>.

Karásková I. (2020) *One China under media heaven: How Beijing hones its skills in information operations*, Hybrid CoE Strategic Analysis 23, Helsinki, Finland.

Lomanov A. (2019) Otnosheniya Kitaya i ES: mezhdru sotrudnichestvom i sopernichestvom. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike [China-EU Relations: between cooperation and competition. China in World and Regional Politics], *Istoriya i sovremennost'*, 24, pp. 158–172. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10009>. (In Russian).

Mattioli R., Malatras A., Hunter E. N., Biasibetti Penso M. G., Bertram D., Neubert I. (2023) *Identifying emerging cyber security threats and challenges for 2030*. European Union Agency for Cybersecurity (ENISA), Athens – Heraklion, Greece.

Sharikov P. (2022) Rol' ES v strategii nacional'noj bezopasnosti SSHA [The role of the EU in the US national security strategy], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 6, pp. 15–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620221523> (In Russian).

Voskressenski A. (2021) Novaya mirovaya arhitektonika, makroregional'nye transformacii potencial'no global'nogo haraktera i znachenie kitajskogo opyta, [The New World Architectonics, Macroregional Transformations of Potentially Global Character and the Significance of Chinese Experience], *Sravnitel'naya politika*, 3, pp. 5–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10024> (In Russian).

Wuttke J. (2022) A Roadmap to Bolstering EU-China Relations, in: Wang H., Miao L. (ed.) *Transition and Opportunity. China and Globalization*, Springer, Singapore, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-8603-0_2